

Дается обзор источников, описание локации и краткий исторический очерк. Рассматривается попытка конструирования русского колониального стиля и приводится беглый анализ проектов военных инженеров Гильшера, Дубицкого, Веселаго. Заключительная часть посвящена праздничному средовому дизайну Порт-Артура.

Ключевые слова: Порт-Артур; Дальний; архитектура фронта; И. Ф. Гильшер./

The article gives an overview of the sources, a description of the locations and a brief historical outline. The author considers an attempt to build a Russian colonial style and briefly analyses the projects of military engineers Gilsher, Dubitsky and Veselago. The final part is dedicated to the festive environmental design of Port Arthur.

Keywords: Port Arthur; Dalniy; frontier architecture; I. F. Gilsher.

Русские военные инженеры Порт-Артура / Russian military engineers of Port Arthur

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский государственный университет

text

Alina Ivanova

Pacific National University

Обзор источников. *Архивы.* Доступные сведения об интересующей нас локации сконцентрированы в нескольких московских и петербургских архивах. В 1415 ф. РГИА хранятся дела Окружного гражданского Управления Квантунского полуострова военного министерства. 214 дел по Порт-Артуру находятся в ГАРФе и 27 ед. хр. – в 14712 ф. РГВИА. К сожалению, чертежи из 349 ф. РГВИА, касающиеся Порт-Артура, утрачены.

Новым и – судя по отсутствию подписей предыдущих исследователей на контрольных листах – малоизвестным источником по истории русской архитектуры на юго-востоке Китая является 907 ф. РГАВМФ (фонд Управления строителя Порт-Артура, 1900–1904). Во второй описи этого фонда содержатся 143 дела за 1902–1904 годы с чертежами объектов морского ведомства, проектируемых для Порт-Артура (22 дела), Дальнего и Талинваня. Некоторые проекты выполнены на высоком профессиональном уровне, с изящной графикой и качественной отмывкой. Они будут рассмотрены в третьем параграфе статьи.

Свидетельства современников. Историкам хорошо известны записки участников обороны 1904 года: дневник выдающегося военного инженера полковника С. А. Рашевского и воспоминания «Правда об Порт-Артуре» Е. К. Ножина, но в этих текстах практически нет описаний Порт-Артура и Дальнего. Поэтому для реконструкции культурно-исторического ландшафта Квантунского полуострова мы использовали три издания из фондов ГПИБР: военный отчет 1888 года [1], экономический обзор 1898 года [2] и популярно-ознакомительный очерк 1902 года [3]. Сопоставление различных точек зрения помогают составить более объективную картину развития Порт-Артура.

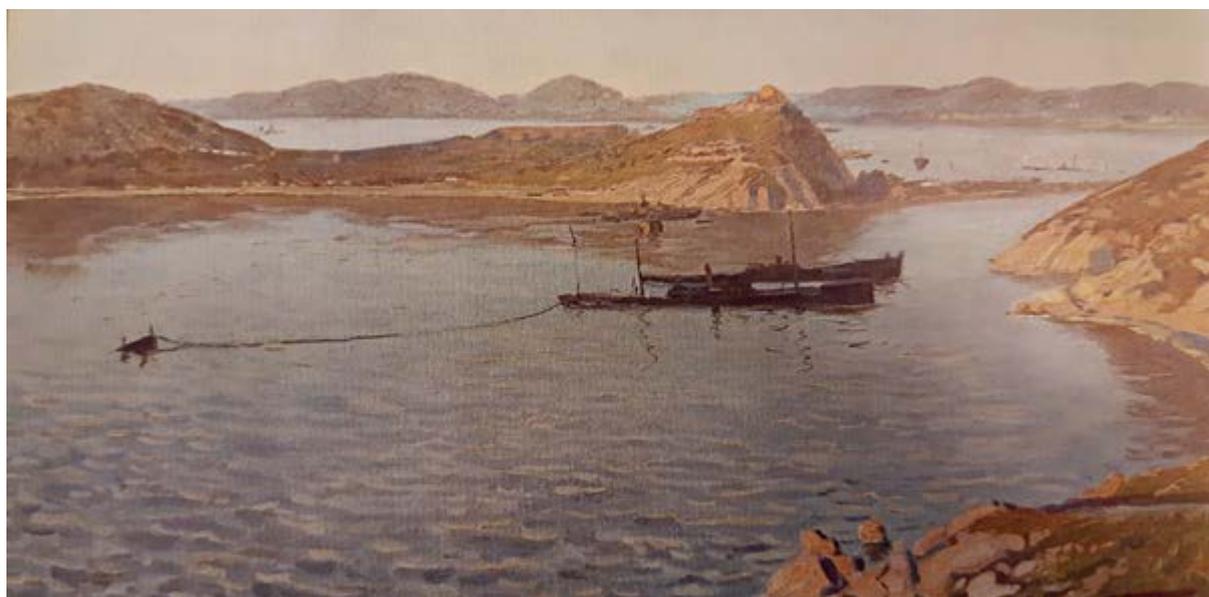
Периодика. Помимо архивных документов, при работе над статьей использовалась подшивка газеты «Новый край», хранящаяся в зале периодики РНБ. Газета, выходявшая в Порт-Артур с 1900 года три раза в неделю (главный редактор – капитан второго ранга российский Тихоокеанского флота П. А. Артемьев), не была иллюстрирована, но многословные корреспонденции и постоянная рубрика «Наши городские дела и делишки» (позже переименованная в «Городские дела») дают некоторое

представление о формировании русского культурного поля. Заметим, что газета, издававшаяся с 1890 года в русском Самарканде (с 1894 года – в Ташкенте) называлась «Окраина»; подобная самоидентификация явно снижала пафос культуртрегерства. Название «Новый край» звучит более оптимистично. Несколько позже А. Кауфман назовет свою книгу очерков русской колонизации Дальнего Востока и Туркестана «Новые места и вольные земли». Тема новизны, чистого листа (*Tabula rasa*) – сквозная и у Кауфмана, и в колонках порт-артурской газеты.

В поисках информации о застройке Квантунского полуострова мы просмотрели подшивку журнала «Зодчий» за 1888–1904 годы. Помимо очерка А. фон Гогена о конкурсном проекте военного собрания для Порт-Артура (№ 35, 1902), большой интерес представляет подробный доклад «О проектировании плана города Дальнего», прочитанный К. Г. Сколимовским в Императорском Петербургском обществе архитекторов 3 февраля 1904 года и полностью опубликованный через месяц в трех номерах подряд (1904. №№12–14). Статьи А. фон Гогена и К. Сколимовского неоднократно цитировались коллегами (С. С. Левашко, М. Е. Базилевичем), поэтому не будем подробно пересказывать эти исключительно интересные, но легко доступные публикации.

Визуальные источники. Известно несколько фотоальбомов с видами Порт-Артура 1888–1889 годов (с негативов А. Н. Люпова). Фотоальбомы из фондов Николая Второго и Алексея Николаевича Цесаревича (ГАРФ) – вероятно, наиболее популярный довоенный источник, дающий представление о панорамах новых русских поселений на Ляодуне. Весьма информативны фотофиксации Квантунской этнографической экспедиции Академии наук в 1901–1903 годах (фотографии А. П. Динесс). Огромный визуальный материал содержится в двухтомном альбоме «Русско-Японская война. 1904–1905 гг.», хранящемся в зале эстампов РНБ. Для иллюстрации статьи использовалась работа из художественного альбома «Манджурия. Русско-Японская война». Подавляющее большинство фотографий и зарисовок фиксируют эпичные панорамы Ляодунского полуострова, фортификационные укрепления, рейды, доки, железнодорожную

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>.

< Рис 1. Наружный рейд Порт-Артура. Худ. А. Маковский. Из художественного альбома «Манджурия». Русско-японская война/[изд. А. В. Мартынова]. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906

инфраструктуру и военные действия. Однако, при более тщательном изучении, можно выявить отдельные объекты гражданской архитектуры и элементы благоустройства.

Сравнение эмоциональных описаний и беспристрастных фотофиксаций помогает понять, как воспринимали жители Порт-Артура доставшийся им от японцев трофейный китайский город, построенный англо-франко-германскими военными инженерами под руководством немецкого поручика, и насколько реальный пейзаж отличался от конструируемых и внедряемых в общественное сознание нарративов.

Академический дискурс. С. С. Левовско и Н. П. Крадин – авторы базовых текстов по истории архитектуры и градостроительства Дальнего Востока (в том числе Квантунского полуострова и Северной Маньчжурии – «Желтороссии»); пользуясь случаем, выражаем им свою глубокую признательность за неизменную помощь и поддержку. О Дальнем мы лишь немного сможем добавить к образцовым работам уважаемых коллег [4; 5], но надеемся, что наши находки, касающиеся Порт-Артура, помогут дополнить историю Тихоокеанской России.

Обзор локаций. Бухту, известную европейцам как Порт-Артур, китайцы называли Люй-шунь-Коу (мы сохраняем топонимы, которыми пользовались русские хроникеры 1888–1904 годов). Эта небольшая приморская котловина 2 × 1,5 версты, окруженная кольцом холмов, в 1870 годах использовалась как стоянка местных джонок, занимавшихся прибрежной торговлей (рис. 1). Пейзаж, по свидетельствам русских путешественников, не отличался дружелюбностью: «<...> несмотря на небольшую высоту нагорье поражает диким характером своих горных массивов, резкость очертаний которых усиливается полнейшим отсутствием на них древесной или кустарниковой растительности» [1, с. 21]. По берегам бухты ютилась маленькая китайская деревня из 60–80 глиняных фанз с несколькими лавочками и 3–4 постоянными дворами.

Кроме незначительности размеров внутреннего рейда, главным недостатком будущего Порт-Артура было отсутствие пресной воды.

В 45 милях к северо-востоку от Люй-шунь-Коу находилась бухта Да-лань-вань (где будет основан русский

город Дальний): «<...> великолепный залив 12 верст длиной и 10 верст шириной, хорошо защищенный от ветров и морских волнений двумя возвышенными мысами, далеко выходящими в море» [2, с. 17]. Берега бухты были густо усеяны маленькими и большими поселками, скрывающимися в глубине бухточек. В главном из этих поселений центральная улица («шириной шагов в пять»), была сплошь занята лавками, а лучшими зданиями являлись два буддийских храма (позже приспособленных русскими под лазарет и военное собрание).

Дефицит строительного леса предопределил характер вернакулярной застройки: «<...> дома, сложенные частью из камня, частью из самодельного кирпичика и все крыты соломою, бедны и грязны» [3, с. 30].

Предыстория. Укрепление Порт-Артура началось в 1880 году, когда «<...> разрыв России с Китаем казался неизбежным» [1, с. 1] и китайское правительство командировало германского офицера поручика фон Ганнекена, состоявшего в должности личного адъютанта вице-короля Чжи-Лийской провинции, на Квантунский полуостров для инженерных и топографических изысканий. Уже через полгода, в декабре, 4 тыс. китайских кули приступили к работам по плану, составленному фон Ганнекеном. «Китайцы надеялись на то, что после окончания работ Порт-Артур станет первоклассной военной гаванью и наилучшим убежищем для флота» [1, с. 3].

В эпоху Тонкинской войны оборона была расширена; в 1886 году оборудование порта (его важнейшая часть – Восточный рейд) было поручено французскому синдикату в Тяньцзине, а возведение фортов взяли на себя английские и немецкие инженеры под общим руководством все того же фон Ганнекена. Французы сделали отличную набережную, облицованную гранитными плитами, с удобными спусками к воде (этот наиболее эффектный элемент благоустройства был частично демонтирован японцами). Укрепления разделялись на сухопутные (6 фортов) и береговые (13 фортов). Поставщиками крепостных орудий являлись Крупп и Армстронг (японцы захватили 330 орудий, из них 60 крупного калибра). Многие из прибрежных фортов были снабжены вращающимися панцирными башнями, и все они соединялись между собой закрытыми дорогами, телеграфом и телефоном.

Были устроены минные и продовольственные склады, морской арсенал, прекрасно оборудованный механический завод, магазины боевых боеприпасов. Все освещалось электричеством, всюду использовались новейшие усовершенствования и изобретения. Немцы организовали подачу питьевой воды, которая проводилась по трубам из источника, находящегося в 6 верстах к северу.

Было затрачено более 80 миллионов рублей и 12 лет огромных усилий на то, чтобы из деревушки Люй-шунь-Коу сделать первоклассную крепость и лучший в Китае военный порт. К северу от Порт-Артура Ганнекен также возвел укрепление крепости Да-лянь-вань.

По свидетельству подполковника Генерального штаба Путята, Порт-Артур в 1888 году поражал иностранцев, приближающихся к гавани «военной картиной, столь мало напоминающей мирные пейзажи других областей Китая»: на горизонте полосой в 4 мили шириной вздымались гребни батарей, увенчанных штандартами и развивающимися флагами. «Глаз тщетно отыскивает вершину, не занятую укреплением. По мере движения парохода замечаются кроме прежде виденных батарей верхнего яруса, еще нижние, спускающиеся к морю». Путят описывает два каменных форта по обе стороны Лушункоуского прохода и разбросанные там и сям китайские им-пани с выравненными вверху стенами: «<...> они заполняют долину восточной гавани и замечаются на север по проходу» [1, с. 1–2] (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона объясняет: им-пань – группа «жилых и хозяйственных построек, назначаемых для китайских войск и обнесенных до высоты 2 сажень глинобитной стеной или земляным валом, всегда по квадрату, со стороны около 40–50 сажень. Углы им-паня иногда украшаются башенками с машикулями»).

По мнению русских разведчиков, «<...> китайцы позаботились придать системе фортификационных сооружений достаточно грозный внешний вид, в надежде, быть может устроить потенциального неприятеля... идея о внешних эффектах входила в соображение германских поручиков-строителей» [1, с. 3].

Несмотря на «грозный вид», из-за неукрепленного подхода с суши (на что совершенно справедливо указывали русские наблюдатели еще в 1888 году), 10 ноября 1894 году Порт-Артур был взят японскими войсками под командованием графа Оямы: «Взятие этой первоклассной крепости обошлось японцам очень дешево – 400 убитых, у китайцев – 4000. Проникнув в крепость, японцы справили там кровавую тризну, не давая пощады даже женщинам и детям, избиение китайцев длилось три дня» [1, с. 6]. Опустим ужасающие подробности резни в захваченной крепости, но заметим, что русские, пришедшие в Порт-Артур после заключения в начале марта 1897 года Пекинского соглашения, отстраивали город буквально на дымящихся костях.

Русские на Ляодуне. 16 марта 1898 г. в 6 утра на берег бухты Люй-шунь-Коу высадился русский десант и через два часа на форте Хуань-цзинь-шань (Золотая гора) был поднят русский флаг. Этот день торжественно отмечался в Порт-Артуре всю его недолгую историю. Из года в год 16 марта «Новый Край» напоминал читателям: «Русские войска нашли только уничтоженный японцами город, если вообще такое название можно дать избам, вылепленным из камней и глины». Очевидцы событий подтверждали, что русским достался «обыкновенный китайский городок с очень грязными улицами, сильно пострадавший во время японо-китайской войны и не оправившийся от произведенных в нем опустошений». Русское население состояло «почти исключительно из воинских, сухопутных и морских чинов». При занятии Порт-Артура русскими войсками местные жители разбежались, «<...> боясь повторения японских ужасов...

Многие дома пустуют. Лучшие здания заняты офицерами. Русские солдаты разместились в им-панях... Красивых зданий в городе нет, за исключением небольшого театра затейливой архитектуры, охотно посещаемым русскими поселенцами» [3, с. 30]. Очевидцы упоминали «обилие китайских магазинов» и доступность любых товаров по ценам в два (по другим источникам – в три) раза ниже, чем во Владивостоке. Самый дефицитным товаром было дерево («лес очень дорог и дрова продают на вес») но в целом дешевизна Порт-Артура, приятно поразившая русских, являлась важным фактором быстрого развития города. Первыми открылись телеграфная и почтовая конторы, а также отделение русско-китайского банка, затем стали по подписке собирать средства на воздвижение православной церкви.

Судя по передовицам «Нового края», развитие Порт-Артура шло в непрерывном соревновании сначала с германскими колониями, появившимися на восточном побережье Желтого моря чуть раньше русских гарнизонов (немцы заняли бухту Цзяо-Чжоу в ноябре 1897 года). В 1900 году «Новый край» публиковал обширные переводные статьи, посвященные стремительному росту и европейскому уровню благоустройства германского Кяочао. После появления г. Дальнего и перемещения туда коммерческой активности редакторские статьи стали транслировать сдержанное негодование этим решением правительства. О Дальнем журналисты Нового края отзывались без энтузиазма. В цикле статей, посвященных необходимости устройства мостовых в Порт-Артуре, с плохом скрываемым злорадством автор указывал, что «<...> наконец от присутствия мостовых сильно выигрывает наружный вид города. Для примера можно взять Дальний. Там административный городок застроен красивыми, строго распланированными зданиями, однако улицы вместо мостовой покрыты шоссе и достаточно незначительного ветра, чтоб поднять огромные столбы пыли, окутывающий весь город грязно-серой пеленой... Не будь этого, Дальний вполне оправдывал бы данную ему кличку игрушечки. Теперь же, со своими шоссированными улицами он если и игрушечка, то чрезвычайно пыльная и грязная». С Порт-Артуром также часто сравнивался северный Харбин. Столица КВЖД, претендующая на титул Восточной Пальмиры, описывалась порт-артурскими корреспондентами как грязный и опасный полустанок. В это же время интеллигенция Владивостока негодовала на то, что финансовые потоки, идущие из метрополии на Восток, развернулись в Желтороссию, оставив новые города Приамурского края прозябать в нищете.

В пятую годовщину «занятия Квантуна» в передовице «Нового края» говорилось: «Первыми пионерами новой русской колонии были русские войска – эти наилучшие насадители мирной культуры. Впоследствии за войсками потянулись купцы, промышленники, предприниматели и новый край зажил особо деловой жизнью, захватывающего всякого приезжего целиком. Теперь создались новые отличные здания, превосходные магазины, железная дорога за 13–16 дней доставляет в сердце России – Москву, город разросся и благоустроился и всего только тому 5 лет».

Русский колониальный стиль. Германо-китайско-японский Квантунский полуостров, доставшийся русским, не отличался дружелюбностью («лабиринт диких с резкими очертаниями горных масс») и комфортом: это был укрепленный с милитаризированной застройкой. Однако, судя по фотографиям А. П. Динесс и выявленным проектам, предназначенным для Порт-Артура, русские инженеры и архитекторы сразу взялись за перекодирование чужого культурного поля и превращение тевтонско-азиатской крепости в европейский город.

В 1902 году фон Гоген писал в «Зодчем» о том, что «<...> в настоящее время город лихорадочно быстро

застраивается, между прочим готово здание городского управления, предполагается постройка театра, много частных зданий. Стоимость земли близ упомянутых военных строений около 80 р. кв. сажень, в средней части города земля большей частью уже продана». Сам фон Гоген, кроме здания военного собрания, спроектировал для Порт-Артура (по его собственным словам) собор на 2000 человек из местного мрамора и сделал, «согласно указаниям начальника края», эскиз дворца. Есть информация о том, что фон Гоген был автором генплана Порт-Артура (1902) [6], но нам не удалось найти его следов.

В Российском государственном военно-морском архиве, ф. 907, оп. 2 представлены чертежи, в основном, не построенных зданий, по которым можно судить, каким должен был стать Порт-Артур при благоприятном развитии событий. Самым эффективным ожидаемо является проект православного храма, выполненный на большом формате акварелью в морской – изумрудно-голубой – гамме, но и проекты домов, предназначенных для офицеров, выглядят изящными и нарядными.

Впервые русские архитекторы столкнулись с проблемой строительства в субтропическом климате с изнуряющей летней жарой, круглогодичной стопроцентной влажностью и сезонным муссоном: «<...> характерной чертой лета на Квантунском п-ове являются частые проливные дожди – опустошительные ливни и грозы» [2, с. 25]. До этого самым «тропическим» регионом России были черноморские побережья, где климат значительно мягче. Но военные инженеры быстро адаптировались к необычным условиям. Именно в Порт-Артуре начала формироваться русская колониальная архитектура, органично сочетающая петербургскую классическую школу, «восточный модерн» (термин, введенный С. С. Левашко) и обилие открытых двухъярусных террас, веранд и галерей.

В отличие от широко известного и неоднократно воспроизведенного в работах коллег плана города Дальнего (В. В. Сахаров, С. В. Кербелз, К. Г. Сколимовский, 1899), судить о планировочном решении русского Порт-Артура нам приходится по описаниям: известно, что город состоял из европейской и китайской части, каждая из которых делилась на Старый и Новый город. «Прежняя небольшая туземная деревушка к западу от гавани постепенно преобразовывалась в обширное поселение мастеровых и рабочих с их семьями» [2, с. 30]. Так же, как и в Дальнем, европейская часть была отделена от китайской зеленой зоной – питомником. Эта мера в первую очередь была вызвана опасением эпидемий (всем был памятен брюшной тиф, сопутствовавший японскому штурму Порт-Артура), но озеленение совершенно голых, выжженных холмов, нагнавших на русских колонистов уныние (о чем неоднократно писал «Новый Край»), имело важное цивилизационное значение. «Перекодирование» Порт-Артура началось с устройства Николаевского бульвара, откуда открывался лучший вид на бухту и рейд. Бульвар был главным общественным пространством русского Порт-Артура, его Невским проспектом: там была устроена веранда для музыкантов, установлены многочисленные лавочки, высажены маленькие деревца из питомника.

Европейский Старый город сформировался вокруг набережной и бульвара, а Новый город – участки голой холмистой пустоши – успешно продавались под застройку.

В начале самого известного художественного произведения о русско-японской войне – романе А. Н. Степанова «Порт-Артур» (1942) – есть примечательное обоснование неготовности крепости к обороне: «Что же инженеры четыре года делали? – кричал Стессель (комендант). – Инженеры дома в Новом городе себе строили, на это и деньги ушли, – буркнул Фок (началь-

ник сухопутной обороны)». Подробные фотофиксации застройки Нового города нам пока неизвестны, но, судя по отдельным объектам, это были интересные эксперименты в модерне. Зато в ходе архивных изысканий удалось установить имена строителей европейского Порт-Артура.

Строители Порт-Артура. В Российском государственном военно-морском архиве, ф. 907 оп. 2 находятся чертежи, подписанные следующими военными и гражданскими инженерами: инж.-полковником И. Ф. Гильшером (1858–1941), полковниками К. И. Дубицким (1858 – ?), Горбачевским, Веселаго, капитанами И. А. Заборовским (1873–1952), Л. Л. Затурским (1871–1913), Ф. К. Авелланом (1874 – ?), Версе, Добровым, ст. инж.-строителем Поплавским, инж.-строителем Б. Л. Бутлером (1866–1930), инженером В. В. Сахаровым (1860–1904). Владимир Васильевич Сахаров хорошо известен как главный инженер по строительству Дальнего и автор его первого генплана. Иван Андреевич Заборовский (1873–1952) после окончания Русско-японской войны служил старшим производителем работ Владивостокского порта, где, помимо казарм и офицерских флигелей, построил один из иконических символов Владивостока – здание Морского штаба (1908–1911) на Светланской ул. – величественное ризалитное палаццо, обращенное срезанным угловым фасадом на Триумфальную арку, возведенную в честь приезда Цесаревича (1891).

Остальные строители Порт-Артура 1901–1903 годов редко упоминаются в академическом дискурсе. Попытаемся восполнить этот пробел и расскажем о Иване Федоровиче Гильшере.

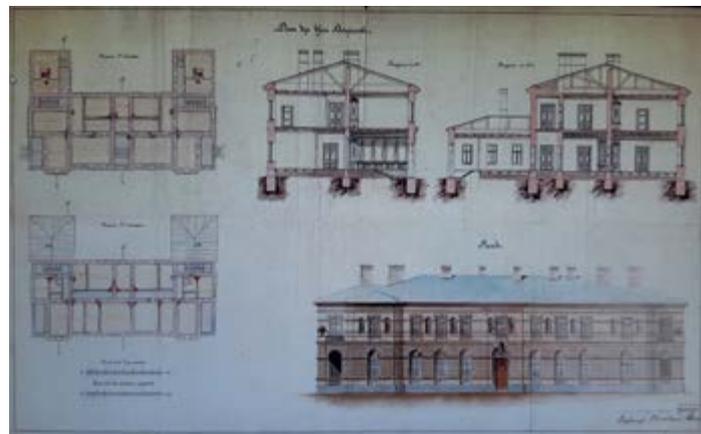
Гильшер родился 18 августа 1857 года в семье потомственных поляков; общее образование получил в Первом Санкт-Петербургском реальном училище, военное – в Николаевском инженерном училище, которое закончил по 1-му разряду. Был женат на дочери статского советника Вейсмана – Анне Николаевне. Судя по всему, брак оказался счастливым: Гильшер имел двух сыновей (Николай, 1886 и Георгий, 1892) и две дочери (Вера, 1888 и Елена, 1894). Вся семья была православная.

Гильшер начал военную карьеру юнкером, служил в Варшавском округе, работал на укреплении Очаковской и Севастопольской крепостей, участвовал в походе во время Русско-турецкой войны (ранен и контужен не был), вышел из Академии штабс-капитаном, в 1897 получил звание полковника. Ушел в запас военным инженером в 1899, но скоро был вновь принят на службу по Адмиралтейству с назначением в Порт-Артур. 8 октября 1900 года приказом № 1 по Управлению строителя Порт-Артура полковник Гильшер вступил в должность строителя порта. Был переведен в Инженерный корпус 10 июля 1902. Имел светло-бронзовую медаль в память о Русско-китайской войне, был награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. (1897); Св. Анны 2-й ст. (1905); Св. Владимира 3-й ст. (1913).

Это типичная карьерная траектория военных инженеров, работавших на русском фронтире. Надо заметить, что Порт-Артур был укрупнен лучшим кадром, преимущественно из Варшавского военного округа. Поэтому среди них было множество поляков (например, Бутлер), а также выходцев из остзейских немцев и мелкопоместного дворянства Великого княжества Финляндского (Авеллан). Практически все они закончили Николаевское военное училище (Иван Андреевич Заборовский в 1873, Казимир Иосифович Дубицкий – в 1878, Бронислав Леонович Бутлер – в 1888, Логин Логинович Затурский – в 1892, Добров – в 1892, Александр Александрович Версе – в 1894, Федор Карлович Авеллан – в 1895). Старшие офицеры были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба (Дубицкий – 1884, Бутлер – 1895,

^ Рис. 2. Дом старшего флагмана. Эскизный проект. Составил инж.-полковник Гильшер

^ Рис. 3. Дом для адмиралов. Составил инж.-полк. Гильшер

Затурский – 1898, Заборовский – 1899, Авеллан – 1900). О том, как не просто было поступить в академию Генштаба офицеру из глухого гарнизона на окраинах империи, хорошо рассказано в «Поединке» А. И. Куприна (1905). Например, главный инженер Владивостокской крепости Вацлав Игнатьевич Жигалковский (которому Приморье обязано отличной гарнизонной и, неожиданно, православной храмовой архитектурой) дважды держал экзамен в Николаевскую академию – в 1883 и 1884 годах.

Строители и защитники Порт-Артура были опытными солдатами, у многих за плечами были боевые походы. Коллега Гильшера, Казимир Иосифович Дубницкий, тоже участвовал в русско-турецкой войне, Затурский был Георгиевским кавалером.

Работы на отдаленных рубежах Империи была опасна, но выгодна: через 10 лет службы можно было получить т. н. Амурскую пенсию и значительные прибавки к жалованию. Жигалковский не преминул воспользоваться всеми льготами, причитающимися строителям Русской Пацифики, но Гильшер, судя по записке о его службе (РГИВА, ф. 400, оп. 12, д. 25170, л. 399), не обладал подобной предпримчивостью и в конце карьеры получал чуть меньше 3000 руб. (жалование – 1200 руб., столовых – 720, квартирных – 780 и на прислугу – 240 руб.).

В Российском государственном военно-морском архиве сохранилось несколько технических и фортификационных чертежей Гильшера, но мы остановимся на двух примерах репрезентативной архитектуры, а также рассмотрим два проекта его коллег. Этим акварельным отмыскам присущ умиротворяющий «винтажный» дух, и сама подача свидетельствует о «старой» школе.

На эскизном проекте «Дома старшего флагмана» [7] гризайлем отмыто шато во французском колониальном духе – с ассиметричным главным фасадом и ионической галереей, обрамляющей парковый фасад (рис. 2).

Проект «Дома для двух адмиралов» [8] представляет собой вариацию на темы неоренессанса: это строго симметричная двухэтажная, П-образная в плане постройка из красного кирпича под скатной жестяной крышей и с глубоким внутренним двором. Парадный вход с тимпаном, увенчанным бюстом в шлеме, расположен на оси симметрии, две лестницы ведут на боковые террасы.

Развитый по горизонтали главный фасад раскрепован широкими лопатками и фланкирован эркерами. Нижний ярус сплошь расшит французским рустом, верхний декорирован горизонтальными тягами и многочисленными нишами (10) со скульптурами и барельефами. Лепные раковины украшают надоконные омегаобразные ниши. Композиционные центры акцентированы фрагментами фриза с лепными венками. Здание венчает массивный профилированный карниз, ярусы разделены межэтажным фризом (рис. 3).

Граненые эркеры освещают гостиные на первом этаже и детские на втором. Бельэтаж занимают большие залы, над которыми расположены спальни и будуары. Во внутренний двор выходят окна кабинетов, классных комнат и помещений для гувернанток, кухни и прислуга размещены во флигелях.

На проекте «Дома для Строителя Порт-Артура» (автор – полковник Веселаго; май, 1903) [9] изображена итальянская вилла с глубокой лоджией и тосканской колоннадой на террасе второго этажа. Нижний ярус расшит французским рустом, окна спальни, расположенной на втором этаже, обрамлены классическими треугольными сандриками. План здания развивается вглубь участка, служебный корпус с кухней, людской, кладовкой и буфетом расположен перпендикулярно к парадным помещениям. (рис. 4).

На проекте жилого дома для 4 семейств штаб-офицеров (подписан полковником Дубицким; август, 1902) [10] мы видим не привычную казарму, а настоящую дворец в итальянском духе с двухъярусными галереями, смело выдвинутыми по диагонали относительно фасадной плоскости, благодаря чему жестко-симметричный план здания приобретает неожиданную для гарнизонной архитектуры эксцентричность. Главный фасад темно-винового оттенка разбит на секции мощными широкими пилонами, расшитыми в нижнем ярусе французским рустом. Балюстрада балкона опоясывает три парадных фасада, куда обращены окна кабинетов и гостиных. Во внутренний двор выходят окна столовых и кухонные флигеля с комнатами мужской и женской прислуги. Спальни и детские открываются на веранды (вероятно, предполагалась возможность ночевки на свежем воздухе). На оси симме-

< Рис. 4. Дом строителя Порт-Артура. 1903. Составил полковник Веселого

три расположен вестибюль главного входа и парадная лестница. Планы пятикомнатных квартир отличаются компактностью: в них отсутствуют коридоры, но только гостиные являются проходными. Жилые помещения имеют удачные пропорции и хорошо освещены. Ванны и санузлы размещены в щюлязах между основным блоком здания и дворовыми флигелями с черным лестницами (рис. 5).

Даже беглый обзор четырех проектов доказывает, что военные инженеры Порт-Артура старались не уступать строителям британских и германских селтльментов. Что касается частно практикующих архитекторов, в подшивке «Нового края» нам встретилось только два объявления с предложением услуг этого профиля – Г. Р. Юнгхенделя и Казы-Гирея. Юнгхендель – автор самых романтических зданий Владивостока, Никольска-Уссурийского и Спасска-Дальнего (впрочем, его авторство спасского объекта под вопросом), где впервые использовалось электрическое освещение (хорошо известны свидетельства современников о поразительном впечатлении, которое производили сияющие витрины

универмага Кунста и Альберса на обитателей Никольска). О деятельности Казы-Гирея в «русском Китае» см. [11].

Ненадежный свидетель. Некоторое представление о праздничном средовом дизайне Порт-Артура дают описания балов, регулярно публиковавшиеся в «Новом Крае». Упомянувшийся роман Степанова «Порт-Артур» начинается сценой бала, во время которого японцы атакуют стоящие на рейде русские корабли. Несколько обширных восторженных репортажей было посвящено ежегодному балу, данному 20 мая 1904 года (до начала осады крепости) Главным начальником области генерал-адъютантом Алексеевым. На бал съехались приглашенные не только из Порт-Артура и Дальнего, но и из Инкоу, Киньчжоу, Мукдена и Чифу. Ради такого события генеральский дом и два прилегающих к нему сада – верхний и нижний – были превращены в «роскошное помещение с феерической обстановкой». Судя по описаниям, жилище начальника представляло собой классический дворцово-парковый комплекс, где, подобно Петергофу, верхний парк был партерным, во французском регулярном духе («цветочные клумбы и газоны, точно ковер,

< Рис. 5. Дом для семейных офицеров. Составил полковник Дубицкий

покрывали пространство между дорожками»), а нижний – английским, живописным, с «огромными ветвистыми деревьями» и типичными для пейзажного парка романтическими затеями. Там был устроен «таинственный грот», напоминавший «жилище духов»; среди бассейна «манила взор» беседка в «прихотливо-затейливом китайском стиле», матовые фонари заливали водоем серебристым светом, и «проплывающие лебеди оставляли на зеркальной воде сверкающий серебристый след».

Однако на нескольких сохранившихся фотографиях, подписанных «Дом и сад командующего войсками», заметно, что интересующий нас объект являлся небольшой двухэтажной кирпичной постройкой типично гарнизонной архитектуры (за исключением «колониальной» двухрусной галереи, занимающей все левое крыло) с асимметричным главным фасадом, сильно развитым по горизонтали. Перед парадным входом действительно размещался палисадник, разбитый на террасированном склоне, а также квадратный пруд с бетонными стенками

и птичьим домиком под высокой крышей (рис. 6). Все это имело весьма бюджетный и незатейливый облик, но под бойким журналистским пером дом и сад «волшебным образом преобразились»: со стеклянной нижней галереи, «превращенной в карточную комнату и уголки для отдыха, шел помост в виде галереи, изящно декорированный цветными материями, коврами, массой зелени и цветов». Проход вел на большую площадку, «обставленную так красиво, что гости забывали, что они на открытом воздухе»; на две ступени ниже находился павильон для танцев. «Павильон этот был нечто особенное – устроенный из обвитой национальных цветов материи бамбуковых шестов, которые тянулись ввысь, ограничивая большое пространство с деревянным помостом, обтянутым парусиной. Верхушки их соединялись и переплетались гирляндами зелени, переплетавшихся и спускавшихся красиво во всех направлениях». Далее корреспондент многословно описывал крытый материей барьер, ограждающий танцпол и потолок из широких разноцветных лент,

v Рис. 6. Дом с садом командующего войсками в Порт-Артуре

перекрещивающихся на фоне темно-синего небосклона, который производил впечатление потолка, украшенного плафонами. Нижний сад был соединен с танцполом аллеей из пальм, и такие же пальмовые аллеи шли вдоль дорожек и садовых решеток, сквозь которые прогуливающиеся гости могли любоваться танцующими парами. У задней стены сада беседка, убранная зеленью, была превращена в буфет с шампанским и фруктами; сюда устремлялись утомленные танцами пары полюбоваться сверху на общую картину шумного бала. Влево от парадного входа была устроена уютная гостиная, обставленная мягкой мебелью, убранная коврами и пальмами с зеленью. Ковры, дорожки и циновки застилали все пространство двора с расставленными высокими пальмами; эта обстановка заставляла забывать, что находишься вне дома. На втором этаже был устроен роскошный буфет с массивными серебряными вазами и хрустальными графинами и «всюду – цветы, цветы».

Бал начался в 9 вечера, когда на Порт-Артур опустилась тропическая ночь, и продолжался до 3 утра, поэтому главную роль в оформлении праздничного пространства играл электрический свет. Иллюминация должна была показать высокий уровень цивилизации нового города. В 9 вечера вспыхнувшее над садом градоначалника сияние было видно из всех уголков Порт-Артура и служило маяком для прибывающих со всех сторон гостей. Журналисты отмечали продуманность световой архитектуры: открытый двор, где был устроен шатер для танцев, освещали «большие электрические фонари и масса лампочек, укрепленных на фигурах, изображавших звезды». Лампочки «кокаймляла верх беседки и оттуда обливали ослепительно белым светом весь павильон. Подвешенные на проволоках фигуры звезд находились точно в воздушном пространстве». «Весь нижний этаж генеральского дома, начиная с вестибюля, был залит электрическим светом», на столах сверкали серебро и хрусталь. В центре столовой сиял огромный серебряный самовар». Нижний сад озаряли «большие матовые фонари, укрепленные на высоких бамбуковых треножниках, обвитых голубой материей». Верхний сад-цветник также освещался сверху большим фонарем. Атмосфера в целом напомнила корреспонденту «волшебный сад из «1000 и 1 ночи». Все переливалось ослепительным блеском».

К сожалению, безымянный репортер не удосужился указать имя дизайнера этих выдающихся декораций, и нам остается гадать, кто из практикующих в городе архитекторов рисовал эскизы. Даже по описаниям заметно, что устройство высокого каркаса из бамбуковых шестов требовало инженерной смекалки. Отойдя от научной объективности, выскажем свое предположение. В отличие от порт-артурских военных инженеров, получивших образование в Санкт-Петербурге, Г. Р. Юнгхендель был представителем романтической европейской школы; его постройки отличаются повышенной эмоциональностью, сложной символикой и свободой исторических импровизаций. Хотелось бы верить, что свою дальневосточную карьеру он начинал в качестве дизайнера праздничного оформления губернаторских балов, но у нас нет никаких подтверждений этой смелой догадке.

Дальнейшая судьба русского Порт-Артура была глубоко трагична, но нам хотелось бы, чтобы у читателей осталась в памяти эта сияющая, праздничная картина: залитый огнями сад, ярко освещенные окна губернаторского дома и фейерверк над рейдом русской тихоокеанской флотилии.

Литература

1. Войска Северного Китая, на которые распространились преобразования. Описание порта Артур (Лушунь-коу) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 32. – Санкт-Петербург : Военная типография в здании Главного штаба. – 1888. – 286 с.

2. Позднеев, Д. М. Торговля городов: Дальнего, Да-лян-ваня, Би-цзы-во и Да-дун-гоу. – Санкт-Петербург : типография В. Кирбаума., 1902. – 55 с.
3. Когвич, В. Л., Бордовский, Л. Ляо-Дун и его порты: Порт-Артур и Да-Лян-Вань. – Санкт-Петербург : Ильин, 1898. – 48 с.; схема Порт-Артура
4. Левощко, С. С. Город Дальний в истории российского градостроительства в Маньчжурии // Россия и АТР. – 2000. – № 4. – С. 96–106
5. Глатоленкова, Е. В. Административный городок Даляня: район особняков // Новые идеи нового века : мат-лы XX междунар. науч. конф. : в 3-х тт. – 2020. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. – Т. 1. – С. 144–150
6. Базилевич, М. Е., Целуйко, Д. С. Архитектура зданий русско-китайского банка в Даляне // Архитектон : известия вузов. – 2021. – № 3 (75). – URL: http://archvuz.ru/2021_3/13/ (дата обращения: 13.07.2022)
7. Смольянинова, Т. А. Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 194–199
8. Дом старшего флагмана. Эскизный проект. Главный и боковые фасады. Составил инж.-полковник Гильшер. Поперечный разрез, планы этажей. Составил инженер-строитель Бутлер. 1903–4 гг. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 41–44
9. Дом для двух адмиралов. Фасад, планы, разрезы, планы этажей. Подлинник. Составил инж. полк. Гильшер. Без даты. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 46
10. Дом строителя Порт-Артура. Фасад, поперечный разрез, планы этажей. 1903. Подлинник. Составил полковник Веселаго. 7 мая 1903 г. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 45
11. Дом для семейных офицеров. Главный фасад, разрезы. Составил полковник Дубицкий. планы этажей и подсобных помещений. Составил инженер-строитель Бутлер. 1902. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 48–49

References

- Bazilevich, M. E., & Tseluiko, D. S. (2021). Arkhitektura zdaniy russo-kitaiskogo banka v Dalyane [The architecture of the Russian-Chinese bank's buildings in Dalian]. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov*, 3(75). Retrieved July 13, 2022, from http://archvuz.ru/2021_3/13/
- Glatolenkova, E. V. (2020). Administrativnyi gorodok Dallyanya: raion osobnyakov [Administrative town of Dalian: District of mansions]. *Proceedings of the XX International Conference "New Ideas of New Century"*. In 3 vols. (Vol. 1, pp. 144–150). Khabarovsk: Publishing house of TOGU.
- Kogvich, V. L., & Bordovsky, L. (1898). Lyao-Dun i ego porty: Port-Artur i Da-Lyan-Van [Liao Dong and its ports: Port Arthur and Dalianwan]. St. Petersburg: Ilyin.
- Levoschko, S. S. (2000). Gorod Dalnyi v istorii rossiiskogo gradostroitelstva v Manchzhurii [The city of Dalny in the history of Russian town planning in Manchuria]. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 96–106.
- Pozdneeve, D. M. (1902). Torgovlya gorodov: Dalnego, Da-lyan-vanya, Bi-dzy-vo i Da-dun-gou [Trade of cities: Dalny, Dalianwan, Bi-tsz-i-wo and Dadungou]. St. Petersburg: V. Kirbaum's printing house.
- Smolyaninova, T. A. (2021). Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin. *Project Baikal*, 18(70), 194–199. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1912>
- The House for family officers. Main facade, sections. Compiled by Colonel Dubitsky. Plans of floors and auxiliary premises. Compiled by civil engineer Butler (1902). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. Files. 48–49.
- The House for Two Admirals. Facade, plans, sections, floor plans. Original. Compiled by Ing. Gilsher (n.d.). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. File 46.
- The House of the Builder of Port Arthur. Facade, cross section, and floor plans (1903). Original. Compiled by Colonel Veselago (1903 May 7). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. File 45.
- The House of the Senior Flag Officer. Sketch Project. Main and side facades. Compiled by Ing.-Colonel Gilsher. Cross section, floor plans. Compiled by civil engineer Butler (1903–4). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. Files 41–44.
- Voiska Severnogo Kitaya, na kotorye rasprostranilis preobrazovaniya. Opisanie porta Artur (Lushun-kou) [The troops of Northern China, which were affected by the transformation. Description of Port Arthur (Lushunkou)] (1888). *Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia*. Issue 32. St. Petersburg: Military Printing House in the General Headquarters.

Расшифровка аббревиатур

РГАМФ – Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГПИБР – Государственная публичная историческая библиотека России

РНБ – Российская научная библиотека